

Фролов Р.М.

Аудитория *contiones* и римский народ: постановка проблемы

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3267>]

[Публикация работы:]

Фролов Р.М. 2012: Аудитория *contiones* и римский народ: постановка проблемы // Прошлое. Проекция. Презентация: Проблемы всемирной истории: Сб. науч. тр. / В.В. Дементьева, М.Е. Ерин (отв. ред.). Ярославль, 16-25.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

*Аудитория *contiones* и римский народ: постановка проблемы¹*

Официальными решениями римского народа считались только те акты, которые были приняты голосованием в комициях. Однако *contiones* — народные сходки — в нарративной традиции, повествующей об эпохах царей и ранней Республики, нередко описывались как собрания, которые если на практике и не могли вместить всех граждан, а также формально не считались собраниями всего народа, то по крайней мере понимались как представлявшие народ. Так, можно вспомнить эпизод, когда Публий Валерий Публикола опустил консульские фаски перед толпой, собравшейся на сходку, в знак того, что именно народ, а не консулы, обладает высшим величием и властью (*Cic. de rep. II. 53; Liv. II. 7. 7*). Это не была разовая акция: Плутарх сообщает, что обычай соблюдался властями вплоть до его времени (*Porpl. 10*). Между волей, настроением собравшихся на сходку и последующими результатами голосования на комициях античными авторами нередко ставился знак равенства. Например, Ливий сообщает, что в 406 г. до н. э., когда народу было предложено начать войну с Вейями, резко негативная реакция плебеев на сходках заставила отсрочить внесение закона о войне. Иными словами, настроение аудитории *contio* в повествовании Ливия становится весьма точным показателем реакции будущих комиций, т. е. реакции народа (*Liv. IV. 58. 6–14*). Однако в сообщениях античных авторов о более позднем времени, особенно о I в. до н. э., например в трудах Цицерона, нередко можно видеть совсем иное описание *contio*: скорее как случайного сборища, недостойного того, чтобы называться собранием римского народа (*Post red. ad sen. 18; 20*), сходки мятежников (*Mur. 87*), преступного собрания (*Dom. 55*). Только тогда сходка характеризуется Цицероном как собрание «настоящего римского народа», когда она явным образом поддерживает политика (*Sest. 106*).

Возникает вопрос, в какой степени аудитория *contiones* могла представлять народ в ранний период истории Рима? Иными словами, нужно выяснить, что обусловило характерное для сведений традиции об этом времени изображение аудитории *contio* в качестве «адекватно» представлявшей весь римский народ. Такой анализ необходим для понимания изменений, произошедших в позднейшие эпохи и приведших в конце концов к тому, что в период поздней Республики часто организовывались «партийные» *contiones*, т. е. собрания с заранее подобранной аудиторией «изначальных сторонников» оратора. Такие собрания (их вполне можно уподобить современным политическим митингам), очевидно, кардинально отличались одно от другого по составу аудитории, следовательно, ни одно из них невозможно считать, по выражению Х. Мауритсена, «miniature version» римского народа².

В историографии пока практически не исследовались масштабы и состав аудитории *contiones* царского периода и начала Республики. Уделялось внимание изучению в данном аспекте только позднеереспубликанских конций³. На наш взгляд, было бы весьма полезно обратиться и к периоду архаики.

Чтобы ответить на поставленный выше вопрос, необходимо, по нашему мнению, выяснить количественное и качественное соотношение аудитории *contiones* и гражданства в целом, для чего представляется целесообразным:

(1) оценить, какой могла быть численность всех потенциальных участников народных сходов. Речь идет об определении числа граждан на том или ином этапе истории римской *civitas*, что составляет отдельную сложную проблему;

(2) определить минимальную вместимость обычных мест проведения *contiones*. В данном случае имеется в виду физическая вместимость Комиция, форума и других площадок проведения конций. Таким образом, нужно понять, во-первых, какова была площадь этих пространств, а во-вторых — плотность расположения участников народных сходов. Так, например, оценки вместимости Комиция ненадежны, учитывая нехватку точных свидетельств о его размере. По Л. Томмену, на Комиции могли одновременно присутствовать не более 1000 человек⁴, согласно П. Карафе — 3000⁵, по Х. Мауритсену — 3800–4800⁶, по Р. Мак-

Маллену — 5000–6000⁷. По подсчетам Х. Мауритсена, площадь Комиция, в случае принятия реконструкции Ф. Коарелли, составляла около 1300 м². Отсюда вместимость — максимум 4800 человек. В случае принятия реконструкции П. Карафы площадь нужно оценить в 960 м² (соответственно число участников составит, согласно Х. Мауритсену, не более 3800)⁸. Но если, например, исходить из площади Комиция в 1600 м² (40х40м)⁹ и при этом считать реальным размещение до 4 человек на 1 м², то можно оценить вместимость этого пространства уже в 6400 человек.

Кроме того, задача (2) осложняется тем, что вместимость различных площадок проведения *contiones* была разной, поэтому возникает вопрос, вместимость какой из них (или каких) нужно иметь в виду и в какой степени. Далее, само понятие о «физической вместимости» мест проведения *contiones* в некоторых случаях весьма условно. Например, возникает вопрос о том, принимать ли во внимание вместимость самого форума, на котором организовывалась *contio*, или же вместимость форума вместе с прилегавшими к нему улицами, если и там, как сообщают наши источники, могла находиться толпа, пришедшая на собрание (см., напр.: *Cic. Cat. IV. 14*). Наконец, в идеале нужно учитывать то, что участники могли покидать собрание еще до его окончания, а на их место могли приходить другие. Следовательно, число всех посетивших *contio* могло не совпадать с числом участников в определенный момент времени. Вместимость мест проведения сходов в таком случае оказывалась бы большей из-за сменяемости источников. Проблематично, однако, оценить, насколько полноценно участвовали в сходе те, кто покидал ее раньше окончания. И, конечно, весьма вероятно, что античные источники вообще не содержат информации по этому поводу;

(3) установить, каковы были ограничения, накладываемые произнесением речи без применения усиливающей звук техники. Участник *contio* должен был слышать и понимать слова оратора. Античные авторы действительно предоставляют некоторую информацию относительно пределов слышимости слов оратора на практике. Так, Ливий сообщает, что римский полководец не опасался раскрыть планы военных действий при обращении к своим войнам только потому, что находился на достаточном расстоянии от

противника (*Liv.* XXVII. 45. 1–6). Следовательно, все его войско могло его слышать, а если бы противник располагался ближе, мог услышать и он. Аппиан повествует о прибытии карфагенских послов в римский лагерь, где воины выстроились длинными рядами. Послы должны были, не доходя до трибуны с римским полководцем, остановиться перед натянутой «посередине» веревкой (*App.* VIII. 78–90). Если «посередине» относится к пути от начала строя до трибуны, то речи послов должны были быть хорошо слышны римскому военачальнику на трибуне, даже несмотря на то, что послы находились в середине длинного строя воинов. В любом случае ясно, что послы выступали, не приблизившись к трибуне вплотную.

Шумное собрание, когда было затруднено понимание речей выступавших, описывается Дионисием как нетипичное (*Ant. Rom.* X. 41. 1–5; см. тж.: *Liv.* IX. 13. 1–2: *ita prae clamore poscentium pugnam nulla adhortatio imperatoris audita est*; ср.: IX. 41. 16–17). Ливий отмечает возможность оратора говорить настолько громко, чтобы перекрыть (*vicit*) шум даже бурной *contio* (VIII. 33. 8–35. 9). В условиях шума в собрании голос глашатая, зачитывавшего закон, все же мог быть едва (*vix*) слышен (*Liv.* X. 13. 5–13). Варрон, когда пишет о порядке созыва *contio*, отмечает, что магистрат созывает людей туда, откуда может быть слышен голос того, кто созывает (LL. VI. 94: *in eum locum unde vox ad contionem vocantis exaudiri possit*). Светоний рассказывает о том, что слова Гая Калигулы, выступавшего в качестве обвинителя, «доносились до самых дальних рядов» (*Gai.* 53). Есть и другие любопытные показания античных авторов по этому вопросу¹⁰. Подобные примеры приводит Г. С. Элдрит¹¹. Исследователь отмечает сложности, с которыми сталкивался римский оратор при произнесении речи (фоновый шум на форуме, выкрики присутствовавших, далекие от идеальных акустические условия, влияние погоды, например ветра или дождя, отсутствие звукоусилительной техники), однако приходит к выводу, что расстояние, на котором можно было ясно услышать и понять оратора, можно оценить примерно в 65 м¹². Если принять этот тезис, то даже в секторе 120° при плотности толпы 4 человека на 1 м² оратора могли слышать одновременно около 17 600 человек¹³. Конечно, такого рода оценки нуждаются в проверке;

(4) исследовать вопрос, насколько полноценное участие в *contiones* определялось способностью участника слышать и понимать оратора. Дело в том, что, хотя целью проведения *contiones* было прежде всего произнесение речей и, соответственно, восприятие слов оратора аудиторией (*Gell. N.A. XIII. 16. 3*), на практике могли вступать в силу механизмы, расширявшие возможности доведения оратором информации до аудитории. Например, известно, что ораторы пользовались средствами невербальной коммуникации¹⁴. Кроме того, содержание речи оратора транслировалось стоящим далеко от него через посредство «третьих лиц». Это могли быть и случайные люди, и специально для этого подобранные¹⁵. Возникает еще одно затруднение: не ясно, насколько адекватно передавалось в таких случаях содержание речи оратора (не говоря уже об адекватности передачи силы убеждения). Очевидно, что эффект такой передачи был совершенно иным, чем эффект самой речи. Однако представляется контрпродуктивным совершенно отрицать то, что какая-то информация действительно передавалась и ее воздействие тоже могло быть действенным. Если это так, то содержание речи оратора все же могло доходить до участника собрания, даже если он не слышал (точнее, не понимал) самого оратора. Если это предположение подтвердится, то в таком случае пределы возможностей голоса оратора уже нельзя будет считать тем фактором, который (всегда) определял «реальную вместимость» *contio*.

Не можем мы сразу исключить и того, что смысл быть участником народной сходки всегда определялся способностью получить информацию. Например, собрание большого количества людей в *contio*, которая была созвана с целью агитации за то или иное законопредложение, само по себе могло служить демонстрацией поддержки этого предложения. В таком случае смысл присутствовать на сходке был даже у тех, кто никак не рассчитывал услышать на этом собрании речь оратора (от него самого или через «посредников»)¹⁶. В таком случае *contio* представляла собой политическую «демонстрацию» и в этой роли тоже имела важное значение. Однако здесь необходимо понять, было ли функционирование *contio* в качестве масштабной «демонстрации» типичным? По всей видимости, подобные случаи все же редки. Если это так, то

при определении «реальной вместимости» *contio* мы должны будем вернуться к вопросу о вместимости пространств проведения конций и пределах слышимости речей ораторов;

(5) выяснить, следует ли при определении «реальной вместимости» *contiones* исходить из ограничений, диктуемых вместимостью пространств проведения собраний, или из ограничений, диктуемых пределами возможностей голоса оратора. Иными словами, необходимо понять, что из отмеченного сильнее ограничивало масштабы *contio*;

(6) сравнить известные по источникам масштабы тех или иных конкретных *contiones* с выявленными ограничениями «реальной вместимости» конций. Если первые превосходили вторые, то нужно попытаться оценить, насколько часто. Возможно, это сравнение повлияет на наши выводы о пределах «реальной вместимости» *contio*. Так, согласно Ф. Пина Поло, обычно размеры аудитории конций составляли от нескольких сотен до (в случае повышенного внимания к обсуждаемому вопросу) нескольких тысяч¹⁷. Однако источники нередко отмечают и явно более многочисленные *contiones*. Например, во время боев гладиаторов, о которых сообщает Цицерон в речи в защиту Сестия (Sest. 125), толпа заполнила пространство (кроме огороженной для представления области) от Мениевой колонны у южного выхода с форума до Капитолия к северо-западу от форума. По этому поводу Цицерон замечает, что большего стечения народа, чем то, какое было во время этих боев гладиаторов, «не бывает никогда»: ни при сходке, ни, «во всяком случае, во время каких бы то ни было комиций» (*vero ullorum comitiorum*). Таким образом, *contiones* оказываются, если верить Цицерону, менее масштабными, чем отмечаемые бои, но более масштабными, чем комииции. В другом месте (Cat. IV. 14) Цицерон пишет о толпе, собравшейся во время заседания сената: «ими полон форум, полны все храмы вокруг форума, полны все пути, ведущие к этому храму и к этому месту» (пер. В. О. Горенштейна)¹⁸;

(7) оценить распространенность практики одновременного проведения нескольких *contiones*. До сих пор, рассуждая о «реальной вместимости» *contio*, мы исходили из того, сколько людей могли присутствовать и полноценно участвовать в одном

собрании. Но существовала возможность одновременного проведения ряда конций (*Gell. N.A. XIII. 16. 1*). Однако не совсем ясно, можно ли, имея в виду совокупную аудиторию нескольких параллельных конций, рассуждать о степени «представительности» аудитории *contiones* в целом. Что же касается распространения информации о произнесенных ораторами речах за пределы *contiones*¹⁹, то эффект такого распространения мы учитывать определенно не можем, поскольку здесь речь идет не собственно об аудитории *contiones* (что как раз нас интересует), а о том, насколько широко транслировалась информация за пределами аудитории;

(8) определить соотношение показателя «реальной вместимости» *contiones* и числа всех потенциальных участников сходов. Так мы подойдем к оценке численного соотношения аудитории *contiones* и гражданства в целом. Проблема здесь, однако, состоит в том, что остается пока неясным, при каком показателе этого соотношения еще можно говорить о том, что сходка представляла римский народ, и в каком случае такой вывод уже не будет верен. Чтобы выяснить это, как раз и необходимо сравнить период архаики с эпохой средней и особенно поздней Республики. При описании первого источники повествуют о *contiones* как институте, представлявшем римский народ. Следовательно, соотношение в то время показателя «реальной вместимости» *contiones* и числа всех потенциальных участников сходов позволяло античным авторам так характеризовать конции.

На наш взгляд, доля граждан, которые хотели и могли участвовать в сходах, могла быть не очень большой, но все же считаться представительной, но только в том случае, если по своему качественному составу аудитория адекватно отражала состав всего римского гражданского коллектива. Вот почему необходимо сравнивать также качественный состав аудитории *contiones* и гражданства в целом;

(9) проанализировать состав аудиторий конкретных зафиксированных в источниках *contiones*. Как он соотносился с составом гражданства в целом, можно ли, исходя из сведений о конкретных собраниях, выделить конции, которые принципиально отличались составом участников. Дело в том, что, даже если окажется, что

только часть всех потенциальных участников имела возможность одновременно участвовать в одной *contio*, все же можно будет говорить о том, что *contio* представляла римский народ, если среди ее участников обнаруживались граждане различного социального положения, а также если разные участники поддерживали все основные мнения по обсуждаемому на собрании вопросу.

Кроме того, поскольку участие в *contiones* не считалось обязательным (ведь даже голосовать гражданин не был обязан), то в случае, если выяснится, что только часть потенциальных участников *contiones* стремилась регулярно участвовать в народных сходках, это может повлиять на вывод о степени «представительности» аудитории *contiones*. По нашему мнению, нужно говорить скорее о том, насколько состав участников конций представлял ту часть гражданства, которая стремилась участвовать в народных сходках, а не всех вообще *cives Romani*.

Наконец, особое внимание нужно обратить на сообщения о негражданах, участвовавших в конциях;

(10) определить долю предкомициальных конций среди всех отмеченных в источниках *contiones* и долю случаев совпадения реакции *contiones* и последующих комиций. Поскольку комиции всегда (в независимости от их реальной посещаемости) считались собраниями всего римского народа, то степень совпадения аудиторий этих собраний, тем более характера реакции их аудиторий, важна для оценки того, насколько *contiones* представляли римский народ в тот или иной период.

Поставленные задачи, очевидно, крайне сложны и не могут решаться с одинаковым успехом. В нашем распоряжении даже для примерных оценок, к сожалению, не всегда имеются необходимые сведения. В этих случаях надежно обоснованные результаты вряд ли могут быть получены. Однако по возможности максимально полная реализация предложенного алгоритма как в отношении материала по истории архаического периода в Риме, так и в отношении данных о позднейших эпохах, позволит, по нашему мнению, приблизиться к объяснению того, почему в источниках менялись оценки степени «представительности» аудитории *contiones*. Предложенный подход может дать новую перспективу изучению развития института римских народных сходок и послужит

источником дополнительных аргументов «за» или «против» предлагаемых исследователями объяснений основных тенденций эволюции *contiones* в царский и республиканский периоды.

Примечания

¹ Исследование проводится при поддержке Министерства образования и науки РФ (Госконтракт № 16.740.11.0104) и РФФИ (грант № 10-06-00140-а).

² Mouritsen H. *Plebs and Politics in the Late Roman Republic*. Cambridge, 2004. P. 39 ff.

³ См., напр.: Vanderbroeck P. J. J. *Popular Leadership and Collective Behavior in the Late Roman Republic* (ca. 80–50 B. C.). Amsterdam, 1987. P. 86–93; Mouritsen H. *Op. cit.* P. 39 ff.; Tiersch C. *Politische Öffentlichkeit statt Mitbestimmung? Zur Bedeutung der contiones in der mittleren und späten römischen Republik* // *Klio*. 2009. № 1 (91). S. 65.

⁴ Thommen L. *Les lieux de la plèbe et de ses tribuns dans la Rome républicaine* // *Klio*. 1995. № 77. P. 364 (цит. по: Morstein-Marx R. *Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic*. Cambridge, 2004. P. 45).

⁵ Carafa P. *Il comizio di Roma dalle origini all'età di Augusto*. Rome, 1998. P. 140, n. 52 (цит. по: Morstein-Marx R. *Op. cit.* P. 45).

⁶ Mouritsen H. *Op. cit.* P. 18–19.

⁷ MacMullen R. *How Many Romans Voted?* // *Athenaeum*. 1980. № 58. P. 456 (цит. по: Morstein-Marx R. *Op. cit.* P. 45).

⁸ Mouritsen H. *Op. cit.* P. 18–19.

⁹ См.: Michel H. *Le Comitium du forum romain et la réforme des tribus d'Appius Claudius Caecus* // *Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité*. 1999. Vol. 111. P. 639.

¹⁰ См., напр.: Cic. *Cluent.* 134; *App.* XIV. 43; XIV. 50–52 (Помпей собрал в место, откуда было хорошо слышно (ἐς ἐπὶ κοινόν), всех сенаторов, всадников и все войско); XIV. 130–132 (ἵνα ὁμαλῶς πάντες ἀπακούσειαν).

¹¹ Aldrete G. S. *Gestures and Acclamations in Ancient Rome*. Baltimore, 1999. P. 73–84.

¹² Ibid. P. 81.

¹³ Площадь сектора в этом случае: $(120 \cdot \pi \cdot 65^2) / 360 \approx 4424 \text{ (м}^2\text{)}$.

¹⁴ См.: Aldrete G. S. *Op. cit.* *Passim*.

¹⁵ См., напр.: Махлаюк А. В. *Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность*. СПб., 2006. С. 215–216, прим. 28.

¹⁶ Добавим к этому то соображение, что все участники могли уже после окончания сходы получить информацию о том, что сказал оратор. По этому поводу см. тж. пункт (7).

¹⁷ Pina Polo F. *Frigidus Rumor: The Creation Of A (Negative) Public Image In Rome* // *Private and Public Lies: The Discourse of Despotism and Deceit*

in the Graeco-Roman World / A. Turner, J. K. Chong-Gossard, F. Vervaeke. Leiden, Boston, 2010. P. 77; см. тж.: Pina Polo F. Las contiones civiles y militares en Roma. Zaragoza, 1989. P. 73.

¹⁸ Такого рода сведения не просто о больших размерах, но и о высокой плотности толпы (о чем речь идет в пункте (2)) см.: Cic. Man. 14; App. XVI. 89–101; Jehne M. Who attended Roman Assemblies? Some Remarks on political Participation in the Roman Republic // Repúblicas y ciudadanos: Modelos de participación cívica en el mundo antiguo / F. Marco Simón, F. Pina Polo, J. Remesal (Ed.). Barcelona, 2006. P. 224 f.

¹⁹ См. о распространении (посредством жителей одного из муниципиев) информации о точном содержании кондиональных речей после завершения собрания: Cic. Phil. I. 8.

Т. А. Сухарева

Vir bonus u hostis в «Катилинариях» и «Филиппиках» Цицерона¹

Образы *hostis*, «врага», и противостоящего ему *vir bonus*, «честного мужа», являлись одними из самых эффективных символов в политической коммуникации древнего Рима (как свобода и рабство, жизнь и смерть и т. п.) и часто использовались римскими ораторами для представления и интерпретации ситуации в своих интересах. Как правило, *hostis* и *vir bonus* воплощались в конкретных личностях. В речах Цицерона типичными примерами «врага» являются Катилина и Марк Антоний, в то время как сам оратор в большинстве своих речей предстает в образе «честного мужа».

Политическая коммуникация предполагает присутствие в общественном сознании моделей символического мира, основанных на символах и исторических ситуациях, аккумулировавших в себе символическое значение². В «Катилинариях» и «Филиппиках» Цицерона *vir bonus* и *hostis* связываются с известной и близкой аудитории схемой «мы» и «они», «другие» во всей ее полноте: «свои — чужие», «порядок — хаос», «мир — война»³. Таким образом, использование символов *vir bonus* и *hostis* основано на древнейшей дихотомии, лежащей в основе человеческого сознания. Противо-